

ПРОЕЗДНОЙ

Одноактная пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Андрей Иванович, в юбилейном возрасте

Юля, 25 лет

Контролер-кассир в трамвае, женщина, 50 лет

Контролеры:

Старушка, безвозрастная

Накачанный парень, 25 лет

Мужчина, 45 лет

Подросток из соседнего подъезда

Кассир в торговом центре, 30 лет

Пассажиры трамвая

Снеговик

Шум городского транспорта.

На остановке переминается с ноги на ногу щуплый пожилой мужчина, Андрей Иванович: курточка на нем, судя по всему, не по погоде. Андрей прижимает к груди какой-то сверток, как прижимают ребенка.

Чуть поодаль стоит покосившийся снеговик. Андрей подбирается к снеговику.

АНДРЕЙ. Идут себе люди. Идут, бегут, прут — по-всякому. И кому какое дело — о чём сейчас вон тот в синей шапочке думает. Или что у того в зелёной куртке случилось. А может, у него что-то важное случилось? Может, это самые важные секунды в его жизни? А ты стоишь тут и не знаешь. А про меня знаешь? (После паузы.) Вот видишь, не знаешь. Вот так растаял бы и не узнал! (Шёпотом.) А я гений. Я изобрёл вечный двигатель!

Звук приближающегося автобуса. Поток людей несет Андрея к автобусу, он отчаянно сопротивляется и выкарабкивается наконец из объятий толпы. Пассажиры утрамбовываются в автобус.

АНДРЕЙ. Три гривны. Совсем сдурели. (Поправляет курточку.) Это туда–обратно шесть получается. (Возвращается к снеговику.) А в день одним туда–обратно отделаешься? То–то и оно, что не отделаешься. Итого двенадцать. И это тридцать дней в месяц... Триста шестьдесят получается — почти как дней в году. (Стоит возле снеговика, провожает взглядом пассажиров.) И идут же... Их дурят — а они идут! Да еще толкаются. ...Триста шестьдесят, значит. (Снеговику.) Да на двенадцать месяцев умножь... Четыре триста двадцать получается. Не, это я не сейчас посчитал, это я уже давно считал, много раз, в столбик. Это ж моя зарплата получается в месяц! Это я то, что таким потом заработал за целый месяц на этой работе, получается, должен своими руками отдать на то, чтобы до этой работы доехать! Понимаешь, что получается? Ничего хорошего не получается! (В сторону пассажиров.) Идите–идите, дурни! А я трамвая дождусь. Там человеческая цена — полторы гривны. (Двери автобуса закрываются, и он отъезжает.) Но и это — ползарплаты отдавать, кому понравится? Тебе понравится? Вот и мне не понравилось. Вот, думаю, государство всегда способ найдет свой народ обмануть, а народ что же, совсем мозгов не имеет? Как жить–то? (Смотрит на удаляющийся автобус, выглядывает на дорогу.) Скатертью дорожка! А я, как говорится, не такая, дождусь трамвая! Я тебе сейчас расскажу про свое изобретение. ...День рождения у меня сегодня, можно сказать. Второй. Двадцать три года как мне мысль эта в голову пришла. Двадцать третьего ноября тысяча девятьсот девяностого года, на этой самой остановке. Я теперь день–то этот отмечаю, потому что он мою жизнь перевернул буквально. Заставил себя зауважать. Тайно. Ну вот точно родился я заново! (Снеговику.) Ну это все равно что развалить тебя сейчас и заново слепить, но особенно красиво как–то слепить. Или не из снега слепить, а из бетона, скажем. Это ж совсем другое дело, понимаешь? Это подходит дурень какой–нибудь, чтобы развалить тебя, пинает тебя, а вместо того чтобы куча снега на дороге получилась — у него закрытый перелом ноги получается. А лучше открытый.... Двадцать третье ноября тысяча девятьсот девяностого года... Ну то есть понимаешь — я и Советский Союз вокруг пальца обвел, получается, и Украину до сих пор вожу! (Выглядывает на дорогу.) Ну то есть думать я начал двадцать третьего ноября девяностого, а решение пришло в девяносто втором уже, двадцать седьмого ноября. Это третий день рождения мой. И как по мне, так неспроста это: в девяностом втором стукнуло ровно сто лет с тех пор, как в Киеве пошел первый в Российской империи трамвай. И это ж только через сто лет человек придумал, как с ним бороться! Это я, получается, и Российскую империю вокруг пальца обвел. У нее уже и пальцев–то нет, а я обвел! Больше двух лет готовился. Но начал–то думать раньше, поэтому все равно считается. ...Понимаешь, Киев — это такой удивительный город, который уже столица вроде как независимого государства, а

трамваи в нем еще ходят советского времени, и в трамваях в этих по-прежнему билетики компостируют, как тогда. А как тогда? Двадцать седьмое ноября. Тысяча девятьсот девяносто второй год. Стою я на этой остановке, трамвая жду. Точно так же стою. Холодно было — как сейчас. И толпа вокруг, тоже ждут. Тогда еще этих нахалов за три гривны не ездило тут. Тогда и гривен-то не было еще — купоно-карбованцы штамповали на туалетной бумаге. И вот подходит мой трамвай.

На сцену въезжает трамвай тысяча девятьсот девяносто второго года. Андрея вместе с толпой вносит в трамвай. Его зажимают со всех сторон.

АНДРЕЙ. Давят со всех сторон, понимаешь. Но зато теплее сразу становится, я потому на куртку потеплее и не стал тратить. Все равно в час пик туда, в час пик обратно, толпа греет.

По трамваю идет контролер-кассир с соответствующей надписью на груди. Все протягивают женщине деньги.

АНДРЕЙ. Ну конечно. Здравсьте-пожалуйста. Вон: дорогу себе прокладывает. Грудью. Как иго татарское ходит, мзду собирает с честных людей — все ей как один деньги суют. Суют, протягивают, передают, от сердца отрывают — кто как. Я — скорее последнее, потому что тогда у меня зарплата не такая шикарная была.

Контролер-кассир раздает всем билеты, и билеты передаются из рук в руки — к компостерам — и обратно.

АНДРЕЙ. Тетка билеты всем распихивает, они волнами по рукам к компостерам плывут и возвращаются к своим владельцам — схема отработанная, а главное — подчеркивает совесть и честность жителей и гостей Киева. Почему? Да потому что ты с полпинка можешь не закомпостировать билет, и тебе этот самый Контролёр-кассир ничего не скажет, не имеет права что-нибудь сказать, потому что это работа не его. А работу эту выполняет другой, просто «контролер», без «кассира». Он может нечаянно нагрнуть и проверить тебя на предмет закомпостированности, а может не появиться вовсе? Это значит, что в следующий раз ты можешь проехать по этому самому билету еще раз, а можешь рискнуть, не компостировать еще раз да проехать и в третий раз! Я это давно

понял, но воплотить всё никак не мог, случая подходящего не было, в лица вокруг всматриваешься: все какие-то подозрительные, хмурые, на контролеров смахивают.

Андрей отдает деньги контролеру и получает билет.

АНДРЕЙ. За билет я тогда заплатил. Пятьдесят копеек, как сейчас помню. Еще до первого мая тридцать копеек было. А до первого января вообще пятнадцать! Что хотят, то и делают, и слова им никто не скажет! Так вот, за билет заплатил, а передавать как-то его не спешу на съедение компостеру.

Андрей смотрит по сторонам.

АНДРЕЙ. Налево смотрю — стоит себе накачанный парень в наушниках, направо смотрю — бабушка такая «божий одуванчик», василек, подснежник и вообще вся клумба — настолько безобидная. Стою и думаю: ну какому же идиоту придет в голову проверять билеты в восемь утра, в час пик, в такую давку?.. Ну, думаю, сейчас или никогда! В общем, спрятал я билет в карман и стал с повышенным таким интересом всматриваться в пейзажи за окном трамвая. Можешь себе представить, с каким интересом рассматривал эти пейзажи человек, который каждый — каждый! — божий день вот уже восемь лет проделывал один и тот же путь на работу. И вот я первый раз в жизни положил чистенький билет в карман. Руки вспотели, в глазах рябит от страха. Даже жарко стало. Правильно сделал, что теплее куртку не купил.

Загорается красный сигнал светофора. Трамвай останавливается.

АНДРЕЙ. Тут трамвай перед светофором остановился, стоит. Вечность стоит. Я билборд рассматриваю с интересом повышенным, там «Дари добро людям» написано было, как щас помню.

Парень в наушниках смотрит на Андрея, снимает наушники и раскрывает перед носом Андрея удостоверение.

АНДРЕЙ. И тут мне этот билборд перекрывает удостоверение с фотографией некого хлопца. Мне тогда сразу показалось, что я эту физиономию где-то видел уже. И не

ошибся же. Что ты думаешь? Удостоверение держал этот накачанный парень в наушниках, в удостоверении было написано «контролер».

Старушка открывает свое удостоверение и тоже предъявляет его Андрею.

АНДРЕЙ (смотрит в удостоверение). В удостоверении старушки «божьей клумбы», как ни странно, было написано то же самое.

ПАРЕНЬ (по-украински). Ваш квиток.

АНДРЕЙ (в зал). Вот это нож в спину, да? Но я тоже не дурак. Столько раз уже ситуацию эту прокручивал. Я сделал лицо как можно более безмятежное и честное, вытащил из кармана билет и протянул его Иуде. Вроде одолжение ему сделал. А руки—то трясутся.

Андрей вытаскивает из кармана билет и протягивает его контролеру.

АНДРЕЙ. Всё, думаю. А сам в окно смотрю. Смотрю, смотрю и вдруг ни с того ни с сего возьми и ляпни восхищенно: (Контролерам, пассажирам.) «Какой красивый город!» Ну, ляпнул я, конечно, не «вдруг», а вполне понимая, что ехать мне еще четыре остановки, а на улице минус двадцать пять, а курточку я все-таки зря не купил потеплее.

Парень смотрит на билет и передает его старушке.

АНДРЕЙ. Накачанный контролер как-то демонстративно покрутил билет перед глазами и передал его старушке. Божью клумбу довод о красивом городе не вдохновил.

СТАРУШКА. Штраф — двести купоно-карбованцев.

АНДРЕЙ (в зал). А на двести купоно-карбованцев тогда почти целый доллар купить можно было! Я, конечно, как можно более искренне удивился: (Старушке.) «Как? За что? Я же билет купил!» Тут этот хам положил свою безразмерную ручищу на мою голову и повернул ее в нужную ему сторону.

Парень кладет руку на голову Андрея и поворачивает голову в сторону объявления.

АНДРЕЙ. Где их только учили этому нахальству?! В нужной стороне предательски большими буквами было написано: (Читает, по-украински.) «Незакомпостований квиток не дає права на проїзд».

Андрей переводит взгляд с объявления на контролера.

АНДРЕЙ. От накачанного хлопца меня отделяло приблизительно сорок килограммов и тридцать сантиметров роста. Я сколько мог долго шурился на объявление, и решение пришло само собой. (Контролеру.) Извините, я не понимаю украинский язык! И тут в дело вступила клумба...

СТАРУШКА. А якщо не розумієш, якого хера їздиш?

АНДРЕЙ (в зал). Националистка хренова. Такие, как ты, страну-то и развалили! (Старушке, мирно.) Я из России приехал...

ПАРЕНЬ. Да хоть из Зимбабве!

АНДРЕЙ (в зал). Сравнил! Потом за шкуру схватил...

Парень хватает Андрея за шкуру и тащит к выходу.

АНДРЕЙ. ...К выходу тащит. А там мороз минус двадцать пять! (Парню, возмущенно.) Куда вы меня тащите?!

СТАРУШКА. Вчити мову!

АНДРЕЙ (в зал). Стервы кусок! Да у меня по твоей мове пятерка была в школе! Твердая! (Парню, старушке.) Что это за выходки?! Я как честный гражданин купил билет! Спросите у кондуктора!

ПАРЕНЬ. Как честный гражданин ты должен был его закомпостировать!

АНДРЕЙ. Откуда ж я могу это знать? Я приехал из Москвы!

СТАРУШКА. Ось і їдь у свою Москву!

АНДРЕЙ (в зал). Опять эта националистка, а на первый взгляд такая безобидная. (Старушке.) В Москве — нормальные трамваи: покупаешь билет и едешь!

ПАРЕНЬ. Пацан, ты в Киеве. В другом государстве. Ты в курсе?

АНДРЕЙ (в зал). Я, наверно, только тогда и осознал, что такое перестройка и независимость эта. Другое государство. Язык другой. Еще год назад всё по-русски везде написано было, а тут — на тебе! — все на украинском заговорили срочно. Еще год назад рублики хрустящие ходили, а тут — на тебе! — ку-по-но-кар-бо-ван-цы, фиг выговоришь и фиг заработаешь. Но ведь именно перестройка-то мне и помогла, если вдуматься: тут я уже и за иностранца вроде как сойти могу, языка вроде не знаю, сами мы не местные... Оставалось три с половиной остановки, и, честно говоря, я бы еще и дальше продержался, если бы не этот гадский подросток из соседнего подъезда!

ПОДРОСТОК (проходит мимо Андрея). Здравствуйте!

По трамваю проходит смешок.

АНДРЕЙ. Вот именно ему именно тогда надо было оказаться именно в этом именно в трамвае и обязательно поздороваться со мной! Маленький, щупленький, глазки свинячьи бегают, даже зовут не знаю, как, а взять и подорвать так всю мою легенду про не местного!

Трамвай останавливается. Люди расступаются. Парень пинком выталкивает Андрея из трамвая. Пассажиры утрамбовываются в трамвай.

АНДРЕЙ (на земле). Приземлился больно, копчик до сих пор дает о себе знать. Люди, конечно, услужливо расступились, а потом полезли утрамбовываться в трамвай. Даже не спросил никто: как, за что, больно мне или нет. Даже традиционного «Да что же это делается, товарищи?» никто не сказал, представляешь? И товарищи уже кончились, и что делается — никого уже не интересовало. Вот это вот шли столько лет к тому, чтоб все были равны, а пришли к тому, что всем стало всё равно... А знаешь, как больно было! Не столько от синяка и копчика, столько за то, что этот гад таки отобрал мой чистенький билетик! Пятьдесят копеек, выходит, зря извёл. Пришлось заново за билет платить, а это значит, что бюджет пострадал на пятьдесят копеек, плюс опоздание на работу — минус десять купоно-карбованцев, то есть день был испорчен окончательно и бесповоротно, а ведь я два года готовился к этому дню! (Встает, возвращается на свое место к снеговика.) ...Так тебе скажу: я этому гадскому подростку из соседнего подъезда так и не простил прилюдного позора! Как бы он ни просил, не простил бы. Он хоть и не просил, но я всё равно не простил. Я себя первый раз в жизни попрошайкой, что ли, почувствовал, внезапным попрошайкой. Ну это как ты вот стоишь тут деловой в шляпе. (Снимает ведро со снеговика.) А потом кто-то подошел и поставил тебе твою шляпу вроде для милостыни. (Ставит ведро рядом со снеговиком.) И ничего ты сделать не можешь. Стоишь себе как дурак. И все на тебя смотрят.

Андрей возвращает ведро на голову снеговика, отходит и выглядывает на дорогу.

Начинается снег, он засыпает Андрея.

АНДРЕЙ. Ну, следующего трамвая пришлось ждать долго, как сейчас примерно. Снег шел. Стою — ну один в один как ты. Морковки с ведром не хватало. (Вытаскивает из снеговика морковку, откусывает кусочек и вставляет ее обратно.) Позавтракать сегодня

забыл, прости. (Смотрит оценивающе на снеговика.) Тебе так даже лучше, честно. Ну, когда ноги уже к ботинкам примерзать стали, трамвай подъехал.

Подъезжает трамвай. Андрей заходит в трамвай и передает деньги впередистоящему.

АНДРЕЙ (громко). За билет передайте, пожалуйста. (В зал.) Кондуктор возле меня был, но я из принципа передал деньги через впередистоящего. Пусть, думаю, знает, что я вам не заяц.

Пассажир молча берет деньги, молча передает их, молча возвращает Андрею билет и сдачу, оглядывается, видит возле себя компостер, отходит от него и передает билет другому пассажиру.

АНДРЕЙ (громогласно). Закомпостируйте, пожалуйста! (В зал.) Пусть, думаю, знают, что я тут вам не мелочь какая.

Пассажир молча берёт билет, молча компостирует его и молча возвращает билет Андрею.

АНДРЕЙ (громко). Закомпостировали, да?

ПАССАЖИР. А что, не видно?!

АНДРЕЙ (в зал). Люди вообще отличаются вежливостью, особенно в Киеве, особенно в трамваях, особенно по утрам. (Пассажиру.) Оу, четыре дырочки! Отлично постарались, спасибо! (В зал.) Все как-то странно посмотрели на меня и тут же, будто по команде, отвернулись.

*Все как-то странно сморят на Андрея и тут же, будто по команде, отворачиваются.
Андрей садится на свободное место.*

АНДРЕЙ. Сел я на свободное место. Посмотрел на соседа — одного, другого, на руки каждого, даже смерил — не скрою — презрительным взглядом старушку. Стояла там с двумя авоськами. Тоже божий одуванчик. Но я был ученый, знал уже, что внешность обманчива. Место не уступил. Честно говоря, это было какое-то особое чувство! Мне даже понравилось сидеть вот так, вальяжно, не считая, сколько остановок осталось продержаться — одну, одну с половиной, с ниточкой, с хвостиком... Руки не потели. В

руках я держал закомпостированный билет и смелым таким взглядом смотрел по сторонам. Как комар из Мухи–Цокотухи. Мол, «Где убийца? Где злодей? Не боюсь его когтей!» Но понимаешь, что делается: злодея не было, и никому, совершенно НИКОМУ не было до меня дела! Ни одной душе! Я уже представил, как эта старушка ставит свои авоськи, подходит ко мне со своим удостоверением, тычет мне его в нос. А я ей в ответ — билетом закомпостированным, тоже в нос! Смотрю: не, стоит себе с авоськам, вцепилась в них, как в родных, а на следующей остановке и вовсе вышла.

Трамвай останавливается, старушка с авоськами выходит, выходит и Андрей, провожает ее взглядом. Трамвай уезжает.

АНДРЕЙ. Выходит, зря я так о ней, и взглядом презрительным зря. И место не уступил...

Андрей смотрит на билет и несет его к урне.

АНДРЕЙ. Собрался я билет в урну выбросить, как всегда. И тут меня остановило ОНО! Озарение! В тот момент я понял всех великих изобретателей, потому что сам стал таковым! Людям, которые проходили мимо, несказанно повезло, хотя они так и не узнали об этом!

Толпа проносится мимо, никто не обращает на Андрея внимание.

АНДРЕЙ (возвращается к снеговiku, на свое прежнее место). Им повезло, потому что они видели особое лицо! Мое лицо, понимаешь?! Я уверен, на сто процентов уверен, что именно такое лицо было у Менделеева, когда тот проснулся и таблицу свою вспомнил; у Ньютона, когда его яблоком по голове бабахнуло; у Эйнштейна, когда тот теорию свою вывел. Мне в голову пришла — без ложной скромности! — гениальная мысль! Понимаешь? Гениальная! И я отчаянно побежал за трамваем!

Андрей бежит за трамваем.

АНДРЕЙ (на бегу). Благо, киевские трамваи из года в год ездят с одинаковой скоростью, так что мне не составило особого труда догнать агрегат. Это у меня сейчас бинокль специальный... (Достает бинокль, всматривается, убирает бинокль.) А тогда я прищурился, потом достал из портфеля блокнот, ручку и записал номер того трамвая: одиннадцать восемьдесят два. (Записывает.) Как сейчас помню эти цифры: одиннадцать

восемьдесят два... И билет рядом вложил, потом кармашек специальный сделал для него. Я и листок этот сохранил. Всегда представлял его на какой-нибудь важной витрине в Национальном музее. Лежат же в музеях всякие наброски великих — мол, с этого началась великая теория или стихи великие. Вот, думаю, напишут и про меня что-нибудь в этом роде. Даже дату там подписал на том листочке. (Смотрит на часы.) И время. (Записывает.) Чтобы облегчить задачу исследователям. А то как сейчас помню со школы: спорят там всякие ученые, какой стих Лермонтова раньше появился — этот или тот. И посвящен кому — этой или той... А Лермонтову тому как будто жалко было черкануть для потомков — написано, мол, двадцать третьего ноября восемьсот такого-то, например. Посвящено, мол, Маше Ивановой. Ну неужели сложно было? А так люди докторские всякие пишут, жизнь кладут на то, чтобы узнать — двадцать третьего все-таки или двадцать седьмого написал он этот злосчастный стих! И Маше Ивановой или все-таки Кате Сидоровой посвятил... Ну так в общем хранится у меня этот листок до сих пор, с датами, как положено. И билет тот туточки! (Стучит по свертку.) На самом почетном месте! Там четыре дырочки — ромбиком. И тут пошло дело! День за днем, день за днем! Билетики с одной, двумя, восьмью дырочками, зелененькие, желтенькие и красненькие, с дырочками по диагонали, елочкой и по кругу... А рядом номера трамваев: 1344, 4245, 6760, и каких только не было!

Появляется машина «Жигули», она тянет на тросе иномарку.

Андрей резко замолкает и не без иронии смотрит на дорогу.

АНДРЕЙ. Вот, пожалуйста. Глянь. Позор Позорович. Позоров. Старенький добрый «Жигуль» иномарку тащит, на тросе. Это копи сначала всю жизнь на эту иномарку, собирай, отказывай себе во всем, чтобы потом вот так вот «Жигуль» какой-то тебя на тросе тащил, через весь город! Как круг позора в Средневековье. Вот так же, через весь город. И все смотрят на тебя. А потом еще денег на ремонт — немерено надо. Тьфу. И всё равно ж покупают люди! Дурни, дурни, что сказать! Скатертью дорожка! Хоть она у нас в Украине колдобинами и ямами, дорожка эта, принято все равно говорить — скатертью. А мы трамвая дождемся! ...Насобирали я, значит, этих билетиков — целый блокнот, даже странички уже клеивать пришлось дополнительные, клеим. Я знал, что быстро ничего не бывает, что, как и любому изобретению, моему нужно время. Но я точно знал, что придет день, и оно заработает. И этот день пришел! Он был яркий и солнечный, как сейчас помню, для потомков даже записал — двенадцатое июля тысяча девятьсот девяносто третьего года. Солнце жарило, не при тебе будет сказано. Был я в отпуске, ехать на работу

не надо было, но проехать туда–обратно на трамвае — сам понимаешь, святое, чтобы проездной не переставал работать. От одного ощущения, что я пользуюсь вот так вот бесплатно своим умом и что это работает, понимаешь, работает — прямо светло на душе становится. В общем, идет трамвай. Прищурился я, номер зафиксировал — тринадцать девяносто шесть, открываю свой блокнот, ищу, ищу, ищу, а в уме ведь помню, что записывал уже такой номер. Он у меня где–то там, далеко, мельтешит, мельтешит в голове. И точно! Вот он, родимый, выведен аккуратно: тринадцать девяносто шесть! А рядом билетик в кармашке специальном приклеен с пятью дырочками крестиком. Кре–сти–чком! (Достаёт билет.) Есть!

Подъезжает трамвай тысяча девятьсот девяносто третьего года, Андрей заходит и проходит мимо кондуктора.

АНДРЕЙ. Я вообще–то не нахальный, не хам, но тут так нахально продефилировал мимо «Контролёра–Касира», так демонстративно, что аж самому приятно стало, аж под ложечкой запекло!словно дыхание второе открылось, ощущение, что всё могу, что всё мне нипочем! Двери закрылись, пол–остановки уже трамвай проехал, а я–то расплавиться и не собираюсь, развалился себе на сидении, как директор трамвайного депо. Сижу. Тут сразу красавец нарисовался передо мной, удостоверение мне тычет.

К Андрею подходит контролёр и показывает ему удостоверение.

АНДРЕЙ. Сам тычет, а в глазах вопрос гамлетовский — какую марку пива он на мои деньжата купит — «Оболонь» или «Львовское». В каждом зрачке по двести купоно–карбованцев мельтешит: конечно, пассажир только что зашел, билет не покупал и тем более ничего не компостировал. Я бы тоже уже пиво выбирал. Хотя я и не пью, считаю выпивание бесцельной тратой денег, времени и здоровья. Поэтому я на что–нибудь другое эту двухсотку потратил бы, в копилку бы, например, бросил. Или копилку новую купил бы. В общем, стоит этот контролер передо мной с удостоверением, будто «Оскара» в руках держит, и смотрит на меня, как удав на кролика, то есть на «зайца». Дармоеда кусок! (Контролеру.) Ну и что вы мне показываете? Я вам тоже могу свое показать.

КОНТРОЛЁР (подозрительно). Ты чё, наш, что ли? Что–то я тебя не припомню.

АНДРЕЙ. Нет, я не ваш. У меня более благородная профессия.

КОНТРОЛЁР. Билет предъявите.

АНДРЕЙ. Это с какой стати? (В зал.) Смотрю: тот заводится. Пива, видно, сильно хочется.

КОНТРОЛЁР. Ты мне тут не разглагольствуй. Нету — плати штраф, двести купоно-карбованцев.

АНДРЕЙ (в зал). Размечтался! (Контролёру.) Ты мне тут не тычь! Вон ходит дама с надписью «Контролёр–Касир», я ей заплатил деньги и купил билет, а кто ты такой — я не знаю. (В зал.) А он мне удостоверение всё тычет свое!

КОНТРОЛЁР. Ты обалдел, что ли? Я контролёр!

АНДРЕЙ. Иждивенец ты! Сидишь на шее у государства! Я таких удостоверений — сотню напечатать могу! (В зал.) Он уже всё, на пределе.

КОНТРОЛЁР. Хватит мне мозги компостировать. Ты если билет не закомпостировал, я щас наряд милиции вызову!

АНДРЕЙ. А если я закомпостировал? Что тогда? (В зал.) Но надо было поторапливаться: контролёр этот уже рацию достал, а я еще лекцию не прочёл, а я её, между прочим, полгода готовил, репетировал даже. (Контролёру.) Придумали себе систему. Стране рабочих рук не хватает, а они тут не понятно чем занимаются. Один продает, другой проверяет! А так чтобы продать и тут же закомпостировать или проверить — мозгов не хватает додуматься?

КОНТРОЛЁР (берёт Андрея за шиворот). Всё, ты мне надоел, заяц, иди проветрись!

АНДРЕЙ (в зал). И тут я ему билет тычу с пятью дырочками крестиком, прямо в нос, как он мне свое удостоверение!

Андрей показывает контролёру билет.

АНДРЕЙ (в зал). Тот ухмыльнулся, но билет взял. Взял, провел своим компостером и обомлел — совпадает!

Контролёр проводит компостером по билету и возвращает его Андрею.

КОНТРОЛЁР. Придурок.

АНДРЕЙ. Тунеядец! (В зал.) А сам билет в блокнотик вложил, в кармашек специальный. В довершение картины подросток тот соседский кивнул и к выходу прошел.

Подросток молча кивает Андрею и подходит к выходу.

АНДРЕЙ. Но как-то уже, что ли, с уважением кивнул. Я кивнул, конечно, но свысока, я ж его так и не простил. (Садится.) Уселся на сидение свое директорское в состоянии

полного счастья, которое еще полнее стало, когда я в окно глянул: оказывается, пока мы тут отношения выясняли, трамвай наш уже да-авненько проезжал мимо солидной пробки. И тут наконец показалась причина столпотворения: две больших таких машины, не помню, как называются. Ну такие, что я б всю жизнь работал, а только б на руль и хватило от этой машины. В общем, смяты были эти супермашины аккуратенькой такой гармошкой! Прямо посреди дороги. Там мужик вокруг разъяренный бегал, а рядом — рыженькая прошмандовка скакала на шпильках. Посмотрел я на это всё: вот, думаю, охота людям жизнь свою так тратить? Нервничать, ругаться, копить, покупать, чтобы потом — вот так вот, гармошкой, из-за какой-то чучундры рыжей, которая явно губы красила за рулем! Проститутки кусок! Можно подумать, честным трудом она на эту мишину заработала! Люди там собрались, милиция подъехала, пробенция эта километровая стоит, а мы так независимо, чинно так удаляемся в нашем трамвае от этих несчастных, и так легко на душе! И понимаешь в такой момент, как себя победители Олимпийский игр чувствуют, когда гимн им играет!

Трамвай останавливается, и Андрей возвращается на свое место около снеговика.

АНДРЕЙ. С работой я перегнул, конечно, этому контролеру, что, мол, сильно благородная она у меня. Просто марку держать надо было. Работа не ахти какая, но все ж работа. Отнести технику в ремонт, отстоять за ней очередь, забрать, принести, документы свозить куда надо. Ну вроде как у тебя работа: стоишь ты тут с ведром на голове и метлой в руках, а все мимо тебя туда-сюда, туда-сюда, и никто внимания не обратит — стоишь ты тут еще или сломал уже тебя кто. Но вообще, надо сказать, за исполнительность меня считают ценным сотрудником, я же — буду перед тобой честным! — считаю себя бесценным. Сам посудите: когда появились сотовые, я в точности стал рассчитывать время разговора по телефону с клиентом так, чтобы получалось две минуты бесплатных по «Киевстар» плюс бонусы от входящих звонков; я мастерски прокладываю маршрут своих рабочих поездок по Киеву так, чтобы не тратить время и не переплачивать за две поездки в метро; я умею незаметно растянуть один чайный пакетик на восемь чаепитий, в то время как окружающие меня транжиры выкидывают еще не вполне даже заваренный свежий пакетик. А я даже в ящике своем веревочку специальную натянул и прищепку купил туда, у меня там пакетики сушатся.

Подъезжает трамвай, из него выносят два однотипных письменных стола, стулья и веревку с чайными пакетиками на прищепках, которую тут же кладут в вынесенный

отдельно ящик, и ящик задвигают в один из столов. Люди, вынесшие предметы обихода, переходят от стола к столу, ходят туда-обратно с мобильными телефонами, бумагами.

Андрей садится за стол с пакетиками.

АНДРЕЙ. У меня как с проездным моим все получаться стало, я даже как-то иначе на сослуживцев своих смотреть стал. Не снизу-вверх, как раньше, а сверху-вниз, что ли, но втайне, конечно, потому что в девяностые вылететь с работы было легче, чем пулю бандитскую получить. Тогда все с пистолетами по Киеву ходили. Поэтому я это всё втайне. (Встает из-за стола и возвращается к снегову.) Ну это как ты если б из бетона тут стоял, то по-другому б себя чувствовал, чем из снега, да? Но ты ж бы не кричал всем подряд, что бетонный, мол, стою: ты ж бы ждал, пока кто о тебя ногу б сломал, так ведь? Вот и я так. Вроде лучше меня не трогать. А еще лет через десять я совсем осмелел и придумал название своему предприятию, где я работаю: КПСС. Расшифровывается: «Как Прикажет Сергей Степаныч». Сергей Степаныч — это наш босс. Обидно, конечно, когда босс — ровесник, вроде как не добился я того, что он. Ну то есть вроде как из одного снега сделаны, но ты на этой остановке вонючей стоишь, а кто-то — на майдане ледяной городок украшает, и все фотаются там возле того... Хотя с другой стороны, и босс мой такого проездного не сочинил, как я. Еще неизвестно, кто на остановке, а кто на майдане... В общем, находка моя про КПСС меня веселила, но только меня, я о ней, конечно же, никому не говорил: девяностые прошли, а возможность вылететь с работы осталась! Ну, девяностые прошли, сменились они двухтысячными. Для кого-то это время ознаменовалось оранжевыми революциями, для кого-то — черным террором, для меня — личной трагедией: в две тысячи первом году государство решило позаботиться о своем народе и отремонтировало да пустило в эксплуатацию сотню дополнительных абсолютно «новеньких» трамваев! (Смотрит в бинокль на дорогу.) Что сказать — слезами горю не поможешь. Сто трамваев на полторы гривны умножить получится сто пятьдесят трамваев, то есть полтора гравен. Это все ж таки меньше, чем четыре тысячи триста двадцать гравен. Но к этому надо еще прибавить стоимость новенькой визитницы, поскольку блокнот мой окончательно разжирел и не мог принять ни единого больше билета! Собрался я с духом, решился хорошую, добротную такую визитницу купить. Как решил, так думать ни о чем не могу — так и хочется прямо сейчас пойти, не терпится аж. (Садится за стол.) А до конца рабочего дня еще четыре часа! А в животе бурчит — я ж не обедаю: как по мне, так завтрака и ужина человеку вполне хватает. Как раз аппетит успеваешь нагулять. Организм же нормально переносит паузу в еде с девяти, скажем, вечера, до семи, скажем утра? Так чего ему с семи утра до семи вечера не подождать? Но

в животе бурчит. (Трет живот.) И сейчас, кстати, бурчит. (Подбегает к снеговика, вытаскивает из него морковку, отгрызает от нее еще кусок и вставляет обратно.) А то стоишь, как тетя Сара из Бобруйска. Вот теперь вполне себе носик... (Возвращается за стол.) Бурлит, значит в животе у меня. А тут Юля с чайником заходит.

Заходит Юля с чайником.

АНДРЕЙ. Юля — это девушка, которая за соседним столом сидит, вроде как секретарь.

ЮЛЯ. Садись, чаю попьём.

Юля достаёт печенье.

АНДРЕЙ. И достает печенье с апельсиновой начинкой в шоколаде в гигаупаковке. Я такое люблю, конечно. Но тут не все так просто: на одной чаше весов — чай с печеньем с апельсиновой начинкой в шоколаде в гигаупаковке, а на другой чаше — провозание Юли после работы, а это совсем в другую сторону от моего дома, поэтому... (Юле.) Спасибо, Юля, я уже пил чай.

ЮЛЯ (улыбается). Вчера?

АНДРЕЙ. Ну да. Много чая, говорят, вредно. (В зал.) Не, Юля мне очень нравится, точнее, нравилась, потому что она за это время замуж уже вышла. Нравилась, но я ее кандидатуру в невесты отмел сразу, еще когда только начал свой проездной ваять. Ну, к себе я бы ее точно не позвал жить — самому тесно, а ее квартира мало того что далеко от метро, так в ее районе совершенно, абсолютно не ходят трамваи! Представляешь? Ни один трамвай! Но я не расстроился — я по современным меркам идеальный жених: не наркоман, не алкоголик и не курильщик, да еще и без родителей. Так что невест еще будет — пруд пруди. Но с печеньем я тогда не угадал, да что там не угадал — пролетел, как фанера! Потому что никуда ее провозать не надо было. Она мне это сразу и выложила.

ЮЛЯ. Ты на корпоратив идешь сегодня?

АНДРЕЙ. Нет, спасибо, не могу. (В зал.) А у самого в животе бурчит, печенья жалко и пакетика чая дополнительного в ящик — тоже. Но марку, конечно, держу, к теме чая не возвращаюсь.

ЮЛЯ. Скидываться не надо!

АНДРЕЙ (в зал). Юля всегда умела приводить железобетонные доводы.

ЮЛЯ. Шеф приглашает в честь дня рождения своей жены.

АНДРЕЙ. Я даже рта не успел открыть, а она добила...

ЮЛЯ. Подарка жене не надо, он ей «Мерседес» вчера подарил.

АНДРЕЙ. Ну тут я помедлил. С одной стороны — бесплатный ужин, а с другой — я и так уже полдня жду, когда проездным своим заняться смогу. Я так плечи независимо расправил...

АНДРЕЙ (расправляет плечи). Спасибо, Юль, но у меня правда дела. (В зал.) И займусь тем, что наметил, и показал, что имею в себе силы отказаться от халявного ужина!

Юля пожимают плечами и уходит. Подъезжает трамвай. Люди выносят из трамвая кассовый аппарат и тележки для продуктов.

АНДРЕЙ. Рабочий день нескоро, но закончился, и я помчался в торговый центр. Выбирал визитницу долго, тщательно, часа три. Там были пухленькие, но коротенькие, тоненькие, но длинненькие, пухленькие и длинненькие. Я выбрал тоненькую, но длинненькую и отправился к кассе. (Встаёт возле кассы.) Если бы обо всем, что я тут рассказываю, фильм снимался, то это обязательно был бы фильм без слов. А к чему надуманные диалоги? Контролёры, как правило, и подходят молча, и удостоверения суют молча и даже тырят молча. Люди вслух практически не здороваются — только кивают, как тот подросток, которого я не простил. Билеты компостируют молча и обратно молча передают. Со сдачей. Вот и в центре этом торговом молодой кассир без «здрасьте», «нужен ли вам пакет» и без много чего еще молча взял деньги, молча размагнитил визитницу, молча швырнул ее мне, молча кинул на тарелочку сдачу и молча, без «спасибо за покупку» и «всего хорошего» принял товар у следующего покупателя! (Кассир проделывает всё описанное.) А может, это был очень важный момент в моей жизни? Может, я так хотел услышать это «Спасибо»?! Может, он испортил человеку ощущение счастья?! Может, он жизнь человеку испортил?!

Подъезжает трамвай. Андрей заходит в трамвай и садится на свободное место.

АНДРЕЙ. Но ничего он не испортил, счастливый я домой ехал, билет, как всегда, контролёру всучил, понаблюдал за его обалдевшей физиономией, как обычно. (Контролёр возвращает Андрею билет.) Ну потом вместе со всеми поохал по поводу очередного безбилетника. Как не стыдно, ага. О времена, о нравы, мол.

Дальше, как в замедленной съемке, повторяется всё то же, что с Андреем в первой сцене: безбилетного молодого человека проверяют на наличие билета, затем его билет — на

наличие дырочек, затем пинком под зад выставляют молодого человека из трамвая. Андрей чинно выходит на улицу, ему выносят оттуда же окно, письменный стол, стул, бумагу и клей.

АНДРЕЙ. Ну, в ту ночь я так и не уснул. До пяти утра переклеивал свои билетки и переписывал номера. А я бы и так не уснул: подросток тот, который уже в дядю давно вымахал, приехал на своем «Бентли» в два часа ночи, что-то по двору погонял и уехал. (Выглядывает в окно, провожает взглядом «Бентли».) Деньги пропивать поехал, жизнь прогуливать. Вот ездил на своем «Бентли» и знай, что живет на свете человек, перед которым ты виноват и который никогда тебя не простит! Так и знай! А я работу свою закончил и еще долго гладил свою растолстевшую пышку, листал ее, листал, пока не заснул.

Андрей опускает голову на руки и засыпает прямо за столом. Тут же поднимается и подходит к снеговика.

АНДРЕЙ. Я ей и костюмчик со временем купил. Смотри. (Достает из пакета сейф на амбарном замке.) Это дело такое. Украсть ведь могут. Раз — и всё! Всю жизнь раз — и всё! Поэтому на сейф я не поспешил. Это замок амбарный здесь так, для смеха висит. Штука эта на самом деле настоящая, несгораемая, с кодовым замком. Всю зарплату январскую извёл.

Андрей поглаживает сейф, как собачку, тербит его за замок. Затем трёт нос и руки, дышит на них. Раздаётся звук подъезжающего автобуса, затем хруст снега под ботинками, сапогами и валенками: люди бегут в сторону автобуса.

АНДРЕЙ. Еще один наглец! Три пятьдесят. Это ты сам за три пятьдесят ездил! И людей не зли. А что там люди эти! Стыдно смотреть! От очередей, которые благородно стоят тут летом на остановках, и след простыл! Люди-люди, вас не только квартирный вопрос испортил, вас даже автобусно-трамвайный не красит!

Андрей скачет возле снеговика, затем выглядывает на дорогу и торжествующе, не по-старчески подсакивает.

АНДРЕЙ. Ха! А что я говорил? Идет, голубчик! Как миленький идет!

Андрей с усмешкой смотрит в сторону уезжающего автобуса.

АНДРЕЙ. Вперед–вперед, скатертью дорожка! Транжиры, дурачье!

Андрей достаёт из кармана бинокль и смотрит в сторону выезжающего из поворота трамвая.

АНДРЕЙ (показывает на бинокль). Это фирменный, кстати. Приближает на триста метров. Чтоб всё степенно, не торопясь. Та–ак. Шестнадцать сорок девять.

Андрей прячет бинокль в карман, затем смотрит по сторонам, убеждаясь, что никто за ним не следит, прячется за снеговика, еще раз смотрит по сторонам, снимает замок, набирает код, открывает сейф, приоткрывает визитницу, снова оглядывается по сторонам и извлекает из каталога билет. Затем быстро всё закрывает и рассматривает свой билет.

АНДРЕЙ. Семь дырочек. Ёлочкой. Да хоть кипарисом. У меня всё есть. Я и каталог специальный придумал. В два счёта билет нахожу. По секрету скажу: я себя всегда особенным чувствовал. Избранным, как говорится. Не знал только, где оно проявится. (Снимает на радостях с себя шарф, цепляет на шею снеговику.) Держи, друг. Не мерзни. Тебе ж тут ещё стоять и стоять! (Несколько секунд колеблется: забрать — не забрать? Махнул рукой.) Он всё равно синтетический, не греет... Ну, грейся, дружище!

Подъезжает трамвай две тысячи тринадцатого года. Андрей подходит к задним дверям и барабанит в них.

АНДРЕЙ. А задние почему не открывают? А? Эй, водитель! Задние откройте!

Раздается голос водителя: «Задние не открываются, в трамвае установлен турникет. Карточки приобретаются у водителя!»

Андрей как–то нехорошо дрогнул, медленно подошёл к передним дверям и осторожно заглянул в трамвай.

АНДРЕЙ. Какие карточки? Какой турникет? Почему — турникет?

Андрей как-то странно улыбается, прижимает к себе свой сейф, бинокль, билет.

Начинает хихикать, тихо, громче, громче, хохочет во всё горло.

АНДРЕЙ. Боже, боже мой, как это смешно! (Снеговику.) Тур–ни–кет! Ты слышал? Что ж ты не смеёшься? Смейся давай! Молчишь? Смейся, я сказал! (Начинает пинать снеговика, тот рассыпается. В куче снега лежит ведро, метла, морковка и шарф.) А–а–а! Смешно–то как! Это ж надо!

Андрей открывает свой сейф, не оглядываясь по сторонам.

АНДРЕЙ. А знаете, какой тут код? Эй, люди! Не знаете? Я вам скажу, это не секрет! Одиннадцать восемьдесят два двадцать семь одиннадцать. Почему такой? Да проще простого догадаться: самые знаковые цифры в моей жизни: одиннадцать восемьдесят два — это номер первого трамвая, после которого я билетики собирать стал, а двадцать семь одиннадцать — это двадцать седьмое ноября, день, когда это событие произошло! Смотрите: чик–чик, снимаем замок, нажимаем. Раз — открылся! (Достает визитницу.) А тут не золото вам и не сокровище, не бриллианты и не ключ от ячейки в швейцарском банке. Тут знаете что? Хотите — покажу, даже подарю. Хотите? (Начинает вытаскивать билеты из визитницы и кидать их в зрительный зал.) Ловите! Поймали? Нет? Жалко, это была моя почка. Ловите вторую, может, повезет — поймаете. Ногу. Кто хочет ногу? (Кидает билет.) Клапан сердечный левый. Ловите! (Кидает.) Клетка нервная, которая не восстанавливается. Держите! Мозг! Отличный свежайший мозг, хоп! Аорту заказывали? Получите! Сонная — сонная такая, невыспавшаяся артерия. Ночи мои бессонные, когда я проездной свой клеил–переклеивал. Держите. (Вырывает со злостью все билеты, вместе со страницами и закидывает ими зал.) Натё! Селезенка, желудок, поджелудка, отсутствие обеда на протяжении двадцати лет! Держите! Совесть! Позор привселюдный двадцать третьего ноября девяносто второго! Держите! Ухо! Яблоко! Глазное! Ловите! Щурился–щурился на ваши трамваи, астигматизм себе заработал. Не хотите с астигматизмом? Так это левый! А вы держите правый, там всего минус три! Ну почему же вы не ловите? Ловите, пожалуйста, для меня очень важно быть полезным, очень! Легкие, лё–ёгенькие такие, пожалуйста, в ассортименте! Копчик! Не поймали? Правильно, он же болбочий. Как выкинули тогда с трамвая, так до сих пор болит. Спина! Не, не ловите, мужчина, ее продуло уже давно, курточка–то, сами знаете, плюс остеохондроз. Нос. И нос не ловите, там хронический гайморит. А кого это щекочет? Никого. А нет, теперь щекочет. Вот так

вот вы бы, девушка, поймали его, а теперь не будете. Правильно. Печень, пожалуйста. Вполне здоровая, я ж не пил! А теперь внимание — сердце! (Бросает билет.) Может, кому-нибудь пригодится такое, а?

Андрей закрывает лицо руками и падает в кучу снега.

Из трамвая раздаётся голос: «Первый в Киеве экспериментально-турникетный трамвай следует до станции Голосеево».

Андрей приподнимается.

АНДРЕЙ. Экспериментальный? Ха! Экспериментальный. (Ползает по земле и, воровато озираясь, собирает билетки.) Боже ж ты мой! (С надеждой смотрит по сторонам, в зал.) Верните, пожалуйста! Девушка, у вас глаз! Мужчина, я видел: вы печень поймали... А сердце у кого? Мозги, селезенка... Ну пожалуйста, я ж прошу вас!.. Умоляю!.. (Утирает слёзы, смотрит на то, что осталось от снеговика, кидается в снег.) Щас-щас, подожди, я сейчас. Сейчас.

Андрей ползает по земле, пытаясь слепить из снега подобие шара, но ничего не получается: снег рассыпается. Андрей сидит в куче снега, надевает на голову ведро, берёт в руки метлу, набрасывает на шею шарф.

Густо сыплет снег, покрывая толстым слоем Андрея.

Снегопад из снежинок постепенно сменяется снегопадом из трамвайных билетов.

© Стародуб-Афанасьева Я. Ю., 2014